

Яньчи замер, словно поражённый громом. Позади него бушевало пламя, пожирающее монастырь, а перед глазами стоял тот, кого он полюбил — теперь облитый кровью, полный издёвки и презрения. Юноша не мог осознать, как всего за одну ночь мир перевернулся с ног на голову. Ведь ещё несколько часов назад они упивались друг другом, и этот человек, обвивая его шею руками, ласково шептал на ухо, чтобы он не позволял себя обманывать.

Он растерянно смотрел на Цзи Хуайчжэня.

Этот жалкий, затравленный взгляд поначалу вызвал у него лишь вспышку жестокого удовлетворения. Мысль о том, каким ничтожным и подлым теперь кажется Лу Шии в сердце Яньчи, заставляла нутро трепетать от возбуждения.

Но вслед за этим торжеством пришло необъяснимое раздражение — столь сильное, что улыбка застыла на губах. Даже гора трупов не принесла облегчения; невыносимая, саднящая горечь в груди не давала забыть о том, как нелепо и беспомощно выглядит сейчас этот мальчишка.

— Раз так... — хрипло выговорил Яньчи, — зачем же ты был так добр ко мне?

Цзи Хуайчжэнь посмотрел на него.

«И когда это я успел стать с ним добрым?»

Он холодно фыркнул:

— Не встречал ещё никого глупее тебя. Впервые увидел такое диво, вот и решил позабавиться. Не приласкай я тебя — разве пошёл бы ты на всё это по доброй воле?

Юноша замолчал. Он упрямо, не отрываясь, смотрел в лицо собеседнику.

— Только и всего? — спросил он снова. — Просто притворство? Обычная игра?

— А чего ещё ты ждал? — Хуайчжэнь осклабился в недоброй ухмылке. — Чего ты так на меня вылупился? Тошно смотреть.

Он ненавидел в людях эту прямоту и чистоту помыслов, которой обладал Яньчи. Тот бесстрашно подносил свою сияющую душу на ладони, и этот свет заставлял Цзи Хуайчжэня чувствовать, что ему негде укрыться со всей его гнилью.

Яньчи внезапно шагнул вперёд.

Стража вскинула оружие, клинки хищно блеснули, нацелившись в грудь юноши. Острый меч замер у самого его лица, но тот будто не заметил угрозы. Его взгляд был прикован к Хуайчжэню — он отчаянно пытался отыскать в этих чертах хоть тень лжи, хоть крупницу невольного раскаяния. Движение Седьмого принца было столь стремительным, что глаз едва успел за ним проследить: в одно мгновение он обезоружил ближайшего стражника.

Клинок со звоном упал на камни.

Лицо молодого человека исказилось от муки. Он властно склонился к Цзи Хуайчжэню, чеканя каждое слово:

— Неужели всё, что было между нами в эти дни — каждое слово, каждая ласка, — всё это ложь? Неужели ни в чём не было правды?

«Даже само имя было подделкой, — подумал Цзи Хуайчжэнь. — О какой правде ты толкуешь?»

Он небрежным жестом убрал прядь волос за ухо и отступил на шаг. Густое семя, оставленное Яньчи, стекало по его бёдрам, пачкая одежду, но Хуайчжэню было плевать. Он медленно поднял меч, направив остриё прямо в глаза юноше.

Ему хотелось приказать выколоть их, чтобы этот человек больше никогда не смел смотреть на него с этой невыносимой смесью боли и надежды.

Яньчи не шелохнулся. Казалось, он вовсе не замечал, что окружён врагами и одно слово Хуайчжэня заставит эти мечи пронзить его плоть.

Он низко опустил голову и вдруг начал с силой скрести что-то на своём запястье. Наклонившись, он оставил какой-то предмет на земле, подобрал брошенный меч и, сгруппировавшись, словно хищник перед прыжком, начал осторожно отступать.

Цзи Хуайчжэнь медлил с приказом. Стражники, не смея ослабить бдительность, медленно пятились, следуя за юношей, и тогда открылось то, что он оставил.

На земле лежало кольцо лучника из хэтяньского нефрита с узором дракона-куй.

Внутри него был вырезан круг, перечёркнутый крестом — клеймо беспутной жизни Цзи Хуайчжэня.

Виновник всего этого безумия не сводил глаз с украшения.

Сцена была пугающе странной: среди обнажённых клинков и отблесков пожара Цзи Хуайчжэнь стоял, уставившись на кольцо, словно увидел нечто невообразимое. А затем он

вдруг коротко рассмеялся.

Этого смешка ему показалось мало. Хуайчжэнь отшвырнул меч, закрыл лицо рукавом и расхохотался так сильно, что не мог разогнуться.

Вдоволь насмеявшись, он краем одежды с ожесточением стёр кровь со своего лица.

Яньчи смотрел на него с бесконечной, выжженной дотла горечью.

Стражники переглядывались, не понимая, что происходит, но не смея вмешаться. Они видели: господин не собирается убивать юношу. Тайфу никогда не ценил человеческие жизни, он разил наповал любого, кто вставал у него на пути, и уж точно не стал бы тратить время на пустые разговоры.

Телохранители в замешательстве взглянули на Бай Сюэ.

Та едва заметно повела рукой, давая знак расступиться и пропустить его.

Яньчи поднял голову, бросив на Хуайчжэня последний взгляд. Губы его дрогнули, он словно хотел что-то сказать — тысячи слов застыли в этом взоре, полном окончательного, беспросветного отчаяния. Но в итоге он не проронил ни звука. Юноша развернулся и, не сутулясь, с гордо выпрямленной спиной, скрылся в ночи.

И тогда над рёвом пламени раздался яростный крик Хуайчжэня:

— Ты сам виноват, что ослеп! Сам бежал за мной, сам вешался на шею! Неужели ты и впрямь вообразил, что пара ночей в постели вытащит меня из бездны?! Это у тебя в голове помутилось, это ты решил, будто я благороден и чист сердцем! Разве я хоть раз говорил об этом? Что, увидел моё истинное лицо и сразу не выдержал?!

— Кто там клялся в любви? Кто обещал оберегать? Увидел, как я убил кучку оборванцев, и всё — любовь прошла?! Чушь собачья!

— В этом мире всё не так, как ты себе выдумал! Каждый, кто сидит на моём месте, идёт по трупам! Кто ты такой, чтобы презирать меня? Ты — просто игрушка, которой я тешил себя от скуки!

На руках Лу Ши было не меньше крови, чем на его собственных, так почему же каждый в Великой Ци воспевал добродетель того, а Цзи Хуайчжэню желал смерти?

Даже Яньчи, видя, как его возлюбленный творит резню, до последнего надеялся на чудо.

— Пусть это станет тебе уроком! Я именно такой человек, и не смей больше тешить себя глупыми надеждами!

Но как бы неистовствовал Хуайчжэнь, Яньчи ни разу не обернулся.

Одного крика было мало, чтобы утолить ярость. Хуайчжэнь подскочил к кольцу и с силой пнул его, а затем принялся исступлённо кромсать мечом трупы даосов. Клинок с хрустом врезался в кости, лезвие погнулось и застряло, но он продолжал тянуть его, пока не выбился из сил. Он тяжело, хрипло дышал, прежде чем постепенно прийти в себя.

— Вижу я, не так уж он и любил своего «Лу Ши», раз сбежал после пары ласковых слов, — пробормотал он, словно оправдываясь перед самим собой. — Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

Напоследок Хуайчжэнь как ни в чём не бывало поправил волосы и бросил страже:

— Чего застыли? Поднимите немедленно.

Он кивнул в сторону кольца, которое сам же отшвырнул в гнев.

Бай Сюэ не выдержала и тихо усмехнулась. Хуайчжэнь сощурился и проворчал:

— Чего смешного? Я его другому подарю.

В мгновение ока он снова стал прежним.

Даже в моменты безумия, даже сгорая от ревности и обиды, Цзи Хуайчжэнь позволял себе потерять контроль лишь на краткий миг.

— Как Лу Сяоцзя удалось ускользнуть?

— Господин, он разбил миску, из которой ел, и спрятал осколок. Улучив момент, перерезал путы, а в суматохе они с младшим братом Шаобином сбили с ног охранников и ушли через потайной лаз в горах.

— Неважно. Найдите их. Сегодня я вырезал всю его школу; если в этом парне есть хоть капля мужества, он сам будет искать встречи, чтобы отомстить. Далеко не уйдёт.

Лу Сяоцзя не представлял для него угрозы.

Бай Сюэ замаялась, явно желая о чём-то спросить.

— Господин, слухи о Маленьком принце поползли ещё до нашего приезда. Мы нашли виновника — даоса Цзэна, но стоило ли в такой час устраивать подобное побоище?

Даже верная соратница не понимала, к чему была эта кровавая баня. Зачем перед самым отъездом в Ижун на мирные переговоры было столь открыто, под личиной «Лу Шии», истреблять целую обитель?

Да ещё и поджигать её так, чтобы зарево было видно до самого Шанцзина.

— Глупая... — Хуайчжэнь бросил на неё снисходительный взгляд. — Скажи мне, кто в глазах народа устроил этот пожар? Лу Шии. А почему он это сделал? Потому что он якобы стоит за Первым принцем. Даосы в монастыре Цинъюань осмелились заявить, что Четвёртый принц — избранник небес. Мог ли Лу Шии стерпеть такое?

— И ещё одно: для всех я — Лу Шии. Но в глазах Императора, кто поднёс факел?

Бай Сюэ мгновенно всё осознала. Для Императора Цзи Хуайчжэнь оставался Цзи Хуайчжэнем. То, что главы двух влиятельных семей поменялись местами, было старой игрой самого государя — так он приглядывал за придворными кликами и держал их в узде.

— Он хоть и стар, но из ума не выжил, — Хуайчжэнь холодно усмехнулся, вспоминая притворное безумие монарха. — Если я смог докопаться до связи Лу Шии с этим делом, неужели ты думаешь, что он не смог? Грянули слухи, тень пала на мой род Цзи. Как ты думаешь, должен я был жечь этот монастырь или нет?

Этот пожар был необходим. Под именем Лу Шии он горел для всей империи, а под именем Цзи Хуайчжэня — для взора Императора, доказывая преданность семьи Цзи и отсутствие у них лишних амбиций.

А о том, есть ли они на самом деле, он подумает позже.

— К тому же, думаешь, почему мы так легко всё разузнали? Да потому что господин Лу плевать хотел на этот монастырь. Он рассчитывал, что я, в его шкуре, не посмею и пальцем шевельнуть в такой важный момент. Думал, у меня руки будут связаны. Вот я и показал ему, на что способен.

Пусть этот пожар полыхает. Когда в столице настоящий Лу Шии узнает об этом, у него голова пойдёт кругом. Отныне, когда при дворе заговорят о «благородном господине Лу», всякий понимающий человек лишь криво усмехнётся, поминая его небывалую жестокость.

Одна мысль об этом приносила Хуайчжэню истинное наслаждение.

Пламя начало стихать, оставляя после себя лишь дымящиеся руины. Стоя среди обломков,

Хуайчжэнь вдруг вспомнил, как в первый раз поднимался к монастырю. Он шёл мимо ворот к главному залу, и три даосских божества взирали на него с высоты своих постаментов. Их лики казались всезнающими; они словно с первого взгляда прозрели его чёрную душу и коварные замыслы. Тогда ему стало не по себе.

Вдыхая тяжёлый запах гари и крови, он невольно подумал: если боги и впрямь существуют, если есть кара за грехи, он не боится её. Лишь бы небеса были милостивы к Цзи Ванься и А Цюаню.

А что до него самого... он давно смирился с тем, что его имя будет проклято, а тело — брошено без погребения.

Бай Сюэ отправилась за Лу Сяоцзя, уговорившись встретиться позже. Один из стражников подошёл к Хуайчжэню и спросил, прикажет ли он немедленно выступить в Вэньян.

Тот молчал, глядя на угасающие угли.

Телохранитель решил, что всё пойдёт по плану и они тронутся на рассвете, но Хуайчжэнь вдруг произнёс:

— Возвращаемся на постоянный двор.

Он не стал ничего объяснять, лишь коротко добавил:

— Устал. Отдохнём день, выедем завтра.

Колёса кареты заскрипели, поднимая пыль и пепел, и в полном молчании Цзи Хуайчжэнь отправился обратно.

Вернувшись, он даже не притронулся к еде. Повалился на кровать и проспал весь день, словно подыхающий пёс. Лишь когда солнце начало клониться к закату, он открыл глаза и спросил, нет ли новостей.

— Господин, — ответил страж, — дева Бай ещё не вернулась. Вещи собраны, мы готовы выступить в любую минуту. Посторонних не тревожили, о вашем отъезде никто не знает.

Не услышав того, что ждал, Хуайчжэнь мгновенно рассвирепел. Глуповатое лицо охранника стало ему невыносимо противно.

Тот, внезапно озарённый догадкой, переспросил:

— Господин, вы кого-то ждёте?

— Жду голову твоей мамыши! — рявкнул Хуайчжэнь.

Дверь захлопнулась с таким грохотом, что с потолка посыпалась пыль.

Спустя мгновение из комнаты донёлся звон разбиваемой посуды. Голос Хуайчжэня, полный ярости, долетел из-за закрытых дверей:

— Уберите эту мишень во дворе! Чтобы я её больше не видел! Сожгите её, к чёртовой матери! Слышите? В пепел!

_ На следующее утро _

Цзи Хуайчжэнь спустился вниз уже совершенно спокойным. Проходя мимо ямки, в которой стояла мишень, он весело насвистывал какую-то мелодию. Перешагнув через неё, он велел разузнать, где в Вэньяне лучший весёлый дом — он намерен хорошенько развлечься.

«Господин Лу» прибыл с громом и пламенем, а уезжал тихо, не предупредив ни единой души.

Карета добралась до границ области Фэньчжоу, где, как и ожидалось, их встретил заслон.

Хуайчжэнь не стал выходить, отправив подчинённых с бумагами. Дело было плёвое, но снаружи поднялся шум, и дорогу открывать не спешили. Терпение Тайфу лопнуло. Выглянув из окна, он увидел отряд конницы в полном вооружении. Возглавлял их старый знакомый — упрямый, как камень в выгребной яме, Лян Чунгуан.

Тот сидел в седле, сжимая копьё. Весь его облик излучал такую непоколебимую праведность, что Хуайчжэнь невольно выругался сквозь зубы.

— Что это значит, господин Лян? Если с бумагами всё в порядке, прошу не задерживать нас, — ледяным тоном бросил он.

Лян Чунгуан мельком глянул на указ с пурпурной печатью в своих руках и ответил без тени робости:

— Прошлой ночью в монастыре Цинъюань случился пожар. Ни один даос не выжил, все были зверски убиты. Личность преступника установлена. Его Величество повелел: Великая Ци чтит даосских мужей, и убийца не уйдёт от правосудия.

Хуайчжэнь на миг опешил. «Повеление Его Величества»? Какая чушь! Пожар был только вчера, весть никак не могла долететь до Шанцзина, да ещё так, чтобы и указ успели составить.

Но Лян Чунгуан оставался невозмутим.

— Я исполняю волю императора. Господин Лу, прошу вас выйти из кареты и проследовать за мной.

<http://bllate.org/book/15318/1373444>